

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТОГЕНЫ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В эпоху инноваций современное общество получило новое средство для обеспечения своего движения на пути к более совершенному существованию – цифровые технологии. Цифровые средства поиска, отбора, сбора, хранения, обработки, обобщения, обмена, распространения информации усовершенствовали средства производства, модернизировали все сферы человеческой деятельности, в том числе и образование. Электронные средства обмена информацией позволяют актуализировать технологии всех форм обучения, значительно облегчить человеку доступ к ресурсам общественных знаний: как созидаящим, так и разрушающим. Результаты наблюдения образовательной практики показывают, что в таком обучении есть системные конфликты, которые неминуемо проектируются на культуру профессиональной подготовки российской молодежи.

Результаты наблюдения общественной практики показывают, что все современные конфликты государства ретранслируются в систему образования. Сегодня их столько, что без применения электронных средств в обучении они не могут быть эффективно и своевременно разрешены. Информационные технологии снижают уровень затрат населения на обучение, замедляют или останавливают миграцию молодежи в крупные города и другое. Этот вывод подтверждается данными конкретных социологических исследований проведенных в 2016 году и апробированных на ряде научных собраний.

Таким образом, основными конфликтогенами электронного обучения являются: низкий уровень общей подготовленности профессорско-преподавательского состава; сложность социологических технологий анализа информации; повышение уровня требований органов управления к специалистам, работающим с информацией; системные ошибки в электронном обучении, обусловленные несовершенством нормативной правовой базы; низкий уровень подготовки абитуриентов; низкий уровень мотивации обучаемых на обучение из-за невостребованности выпускников на рынке труда; дороговизна образовательных услуг и ограниченное количество материальных ресурсов у населения.

Ключевые слова: электронное обучение, конфликтогены, организация, информация, контроль, традиции, технология, управление.

В настоящее время общество получило новое средство для обеспечения своего движения на пути к более совершенному существованию – цифровые технологии. Разумеется, они объективно, применяются в основных (системообразующих) институтах для решения важнейших народнохозяйственных и априори оборонных, один из которых – образование. В Минобрнауке РФ, например, уже создается Центр электронного обучения. Хотя это название не очень правильное. Здесь логичней говорить об обучении с применением электронных средств передачи информации. Никто же не называл обучение почтовым, телеграфным, телефонным и т. п. Ведь основные формы и методы обучения остаются традиционными. Но если законодатель увидел здесь новое (необычное), например, в содержании беседы во время телемоста (чем она отличается от традиционной?), лекции, учебного пособия, представленного в печатном виде или в электронном, то, безусловно, необходимо эту ка-

тегорию «запускать» в научно-педагогический оборот. Собственно и в документах ЮНЕСКО оно определяется как «обучение с помощью Интернет и мультимедиа»; в документах Комиссии европейских сообществ – как обучение при помощи информационно-телекоммуникационных технологий, что, по сути, одно и то же. Формами такого обучения могут быть: самостоятельная работа с электронными материалами, с использованием персонального компьютера, мобильного телефона, DVD-проигрывателя, телевизора; получение консультаций, советов, оценок у удалённого (территориально) эксперта (преподавателя), возможность дистанционного синхронного и асинхронного взаимодействия; создание распределённого сообщества пользователей (социальных сетей), ведущих общую виртуальную учебную деятельность; своевременная круглосуточная доставка электронных учебных материалов, т. е. возможность в любое время и в любом месте получить доступ

к электронным учебным материалам и другие. Таким образом, электронные средства обмена информацией позволяют совершенствовать технологии всех форм обучения [5, с. 57]. Цифровые средства поиска, отбора, сбора, хранения, обработки, обобщения, обмена, распространения информации, как в свое время электричество, усовершенствовали средства производства, обновили (модернизировали) все сферы человеческой деятельности, в том числе и образование. Разумеется, классическая классно-урочная система обучения, просуществовавшая около 500 лет, постепенно будет также совершенствоваться, например, оно не будет «привязано» к конкретному помещению, библиотеке, преподавателю.

Безусловно, электронное обучение – это не чудо, не божественный дар, способный решить все проблемы подготовки людских трудовых ресурсов. Никогда, ни одно общественное явление не должно полностью отрицать прежние традиции и технологии. Поэтому оно должно основываться на традиционном обучении [7, с. 182]. Разумеется, в своем развитии значимость этого образовательного феномена будет возрастать. Для этого необходим такой фактор, как повышение уровня активности и самостоятельности обучаемого. Этого можно достичь созданием интерактивных (взаимодействующих) педагогических технологий, смысл которых – постоянно находиться в режиме беседы, диалога с кем-либо (человеком) или чем-либо (например, обучающим роботом). Таким образом, участники образовательного процесса будут возвращаться к опыту, известному из документальных источников уже два с половиной тысячелетия (Аристотель), а, априори, со времени появления людей разумных. Новое же здесь, как было сказано выше, – это средства передачи информации. Использование электронных средств позволяет лишь совершенствовать, например, формы лекционных занятий: проблемные, визуализации, пресс-конференций и другие [12].

Очевидно, что электронные (цифровые) средства передачи информации значительно облегчают человеку доступ к ресурсам общественных знаний: как созидающим, так и разрушающим. Вместе с тем, как инновационный элемент в системе управления высшим образо-

ванием, приводит к возникновению ряда конфликтогенов. Как показывают исследования, они вызывают 80% конфликтов между участниками образовательного процесса [9, с. 77].

Если человек добросовестный и желает работать (учиться), то он, безусловно, самостоятельно и относительно легко найдет нужные знания. Возникает вопрос, сможет ли он понять их глубинную сущность? Если же он не обременен прилежностью, совестью, честностью, то также легко найдет знания, которые позволят ему без труда получить доступ к той или иной профессиональной деятельности [8, с. 796]. Этот вывод подтверждается результатами конкретных социологических исследований проведенных в 2016 году и апробированных на ряде научных собраний, в том числе на международной научной конференции 15 марта 2016 года «Социальное проектирование московского высшего образования». Исследования проведены по тематикам: «Доступность и качество московского образования» (Опрашивались участники образовательного процесса. Кластеры 14 вузов, 12 колледжей, 10 общеобразовательных школ. Выборка – 1200 человек (работодатели, студенты, ученики старших классов, родители обучающихся), ошибка выборки – 3%. Эксперты – 37 человек. Качество профессиональной подготовки профессорско-преподавательского состава вузов: экспертные мнения (N = 32). Результаты этих тематических исследований позволяют утверждать, что при наличии больших объемов и потоков информации «прозябать» в аудитории или «странствовать» (перипатетика – Аристотель) с учителем (преподавателем) в саду – дорогие мероприятия, если считать затраты времени. Однако эйфории по поводу ненужности преподавателей (наставников) и в этих условиях не должно быть. Не уместно здесь забывать об объективности свойств естественных и общественных систем, например о таком, как наследственность (преемственность). А такая тенденция уже очевидно просматривается в системе образования. Например, часть экспертов, как представляется, упрощенно трактуют смысл электронного обучения, которое, по их мнению, заключается в облегченном поиске информации. «Включаешь телевизор, компьютер, телефон – смотри, слушай». Такой взгляд на технологию электронного обучения,

вероятно, не является разумным. Как показывают результаты наблюдения образовательной практики это более сложная, технологически разнообразная деятельность, чем традиционное классно-урочное обучение. И она должна быть не революционной (разрушенное придется и уже приходится восстанавливать), а эволюционной. Известно, что в настоящее время оказалось невозможно управлять, жить, обеспечивать все виды национальной безопасности без общественного (народного) контроля, без системы физической подготовки молодежи, не говоря уже об идеологии (капиталистической, коммунистической, религиозной, патриотической и т. п.) [3, с. 83].

Безусловно, преимущества обучения с применением электронных средств передачи информации очевидны. Оно в условиях интенсификации всего спектра общественных процессов экономит время, предоставляет возможность получать много информационных услуг с различными точками зрения, предоставляет возможность получения знаний в любом месте и в любое время, позволяет обучаться одновременно по нескольким специальностям. Но результаты наблюдения образовательной практики показывают, что в таком обучении есть системные конфликтогены, которые неминуемо будут ретранслироваться на культуру профессиональной подготовки российской молодежи [10, с. 57]. Один из них – затруднение контроля над образовательной информацией. Эта проблема оказалась трудной в разрешении даже в условиях реализации традиционных форм обучения. К сожалению, в отечественной системе образования уже возрождена традиция (в советское время она была относительно нейтрализована) преклонения перед западной научной мыслью [10, с. 23]. Например, результаты анализа около 50 научных и учебно-методических трудов по социологическим специальностям показали, что, даже исследуя проблемы нашего Отечества, разработчики прежде всего начинают цитировать труды западных ученых Дюркгейма, Вебера, Файоля, Фрейда, Штомпки и других. Безусловно, их опыт необходимо изучать, для того чтобы повторно «не изобретать велосипед». При этом современные «западники уже проводят курс на обучение российских студентов на английском языке. Конечно, можно было бы

приветствовать эту инициативу, если бы в западных вузах начали преподавать на русском языке, который, как известно, согласно документам ООН является языком международного общения. Это не безобидная прихоть руководителей российского образования.

Электронные средства хранения, поиска и анализа информации позволяют быстро найти, систематизировать знания и использовать их для подготовки ответов на многочисленные вопросы. Разумеется, применять эти новые средства должен уже человек с другим объемом и качеством знаний, которые прежними средствами и технологиями получить будет затруднительно. В этой связи возникает проблема подготовки специалистов различных сфер трудовой деятельности, в том числе и социологической. Ускорение, интенсификация социальных процессов выдвигает социологию на роль гуманитарной науки, обеспечивающей управление обществом [10, с. 34]. Социологическое обеспечение управления становится повседневной практикой, то есть традиционным явлением [8, с. 82]. Этот факт может быть доказательством возрастания уровня значения и, следовательно, потребности в социологической профессии. Так, в начале 2000 гг. в стране готовили социологов в 50 факультетах в различных вузах, сейчас их осталось, как показал анализ системы высшего образования, около 15. Результаты наблюдения практики показывают, что в государственных вузах «оптимизация» осуществляется за счет подготовки педагогических, философских, социологических, политологических специальностей. Для негосударственных вузов подготовка социологов традиционными технологиями становится нерентабельной. Электронные же средства позволяют удешевить процесс подготовки специалистов-социологов. Разумеется, дешевизна, количество подготовленных кадров в новых общественных условиях может ухудшить качество социологического обеспечения управления, что обусловит принятие ошибочных решений, реализация которых принесет ущерб, многократно превышающий расходы на функционирование социологических структур. Сегодня этот конфликтоген появился как в нашем государстве, так и других странах. Например, американский институт социологических исследований, основанный в далеком 1935 году

Д. Гэллапом и считавшимся одним из наиболее надёжных источников информации о состоянии общественного мнения в мире, потерпел неудачу в прогнозах выборов президента в США. Используя новые электронные технологии, он, как утверждают отечественные эксперты, показал неточность, плохую подготовленность, несостоятельность выводов (прогнозов) американских социологов.

Собственно, такое происходит сегодня во всех сферах человеческой деятельности. Информация, если она используется подготовленными людьми, становится самым действенным средством поражения противника, оппонента. Она же становится и важным средством обучения, производства, обеспечения многих видов национальной безопасности.

В 2016 году в адрес вузов, специализирующихся на обучении с применением электронных средств, поступила информационная критика. Надо согласиться, что частично претензии к качеству образования в вузах справедливы. Во-первых, образовательные организации впервые создают и апробируют новые цифровые образовательные технологии, что затруднительно делать без ошибок; во-вторых, они, работая даже с явными недостатками, уже сегодня приносят неоспоримую пользу стране, решая стратегическую

задачу по закреплению населения (профилактике оттока) в регионах, тем самым обеспечивая военную и иные виды национальной безопасности. Например, «дальневосточный гектар» взяли бы не 480, а, вероятно, 480000 человек, если бы детям фермеров было бы доступно обучение в местах проживания. В этой связи вузы надо контролировать и критиковать, но, безусловно, не сдерживать их деятельность, оказывать им всестороннюю помощь в развитии.

Результаты наблюдения общественной практики показывают, что все современные конфликтогены государства ретранслируются в систему образования. Сегодня их столько, что без применения электронных средств в обучении они не могут быть эффективно и своевременно разрешены. Например, информационные технологии снижают уровень затрат населения на обучение, замедляют или останавливают миграцию молодежи в крупные города.

Разумеется, самые точные знания проблем образования, были представлены родителями, что отражено в таблице 1.

Конфликтоген реализации электронного обучения является низкий уровень качества традиционного российского образования. За последние годы оно направило во все сферы общества множество специалистов, которые не были

Таблица 1 – Проблемы современного образования (мнение родителей)

№	Проблемы образования	Анкетный опрос, %	Интернет опрос, %
1	Низкое качество образования в отдельных школах (гимназиях, лицеях), колледжах (техникумах)	36,3	39,2
2	Отсутствие доступной среды для детей с ограниченными возможностями здоровья	8,5	7,5
3	Широкая коммерциализация образовательных услуг	32,7	39,7
4	Проблема получения оперативной и достоверной информации о сфере образования	5	11,3
5	Проблема доступности различных видов образования для всех категорий населения	24,8	23
6	Образование не обеспечивает сохранение и профилактику здоровья ребенка	13,2	27,5
7	Отсутствие обязательных образовательных программ для мигрантов	2	3,5
8	Отсутствие возможности для развития одаренных и талантливых детей	5	7,9
9	Недостаточно развитая материальная базы многих образовательных учреждений	13,6	19,4
10	Невостребованность выпускников образовательных учреждений на рынке труда	36,2	29,2
11	Кадровый состав образовательных учреждений (укомплектованность)	16,6	28,2
12	Высокая плата за дополнительные образовательные услуги	36,8	32,3
13	Другие проблемы	3,9	3,9

должным образом подготовлены теоретически, а хорошего практического опыта оказалось получить невозможно, в связи с отсутствием достаточной производственной базы для трудоустройства [3, с. 44].

Опросы студентов, родителей и законных представителей студентов, сотрудников школ и вузов на репрезентативной эмпирической базе позволили установить, что практически все они испытывают трудности в образовательной деятельности, обусловленные низким уровнем качества правового обеспечения (рис. 1).

Особо опасны законодательные неточности, которые затрудняют, дезорганизуют деятельность как исполнительных, так и судебных структур. Показательный пример: в статье 2 ФЗ 273 «Об образовании в РФ» образование определяется как «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов» [15]. Результаты содержательного анализа даже этой статьи закона позволяют судить о последствиях реформ образования для законо-

дателей. Процесс воспитания и обучения, не может быть «общественно значимым благом». Во-первых, благо – это какая-либо важная для человека реальная ценность. А процесс – это еще не благо, а лишь выбор и реализация пути его достижения, который может и не привести к «благу». Во-вторых, процесс не осуществляют, его организуют. Осуществляться может что-то и независимо от управления, воли человека. В-третьих, соотношение категорий «образование» и «образованность».

Есть сомнение в точности трактовки категории «качество образования». Вот как оно определяется в законе: п. 29) качество образования – комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы [15]. Во-первых, качество – это не характеристика, а свойство явления. Уровень образовательной деятельности может быть высоким, процесс интенсивным, но по абсурдным программам. В результате выпускник знает как «построить коммунизм», но понимает, что это еще никому не удалось сделать. Поэтому устраивается на

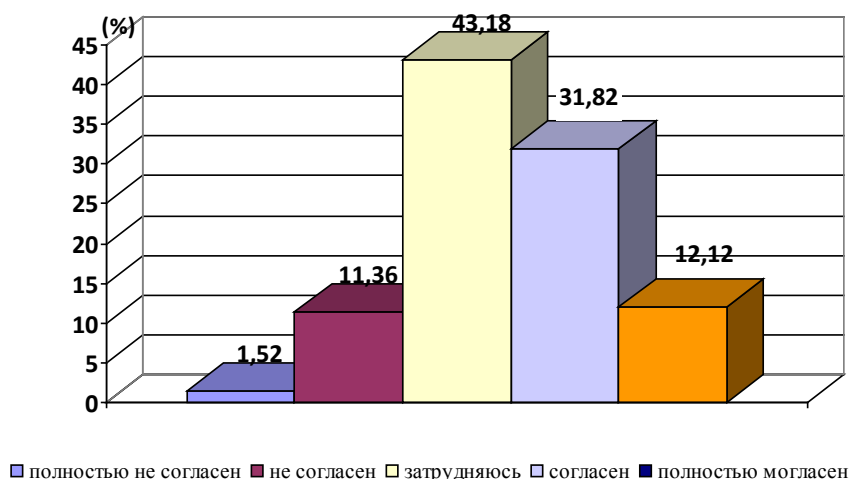

Рисунок 1 – Мнение сотрудников вузов, о необходимости совершенствования нормативного правового обеспечения реализации стратегии образования

работу не по специальности. Во-вторых, соответствие федеральным государственным образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям – это еще не качество. Качество – это показатель (свойство) практической подготовки по специальности. В-третьих, стандарты разрабатывают люди, которые завтра могут заявить о своих просчетах.

Этот феномен (качество), например, Г.Ф. Гегель определил так: «Качество есть... непосредственная с бытием определенность... Нечто есть, благодаря своему качеству, то, что оно есть, и, теряя свое качество, оно перестает быть тем, что оно есть» [1, с. 157]. Т. е. в переводе с «мудрого» философского языка на понятный русский это означает, если нет качества, то нет предмета, т. е. в нашем случае электронного обучения. «Качество – это свойство, отличающее один предмет или одно лицо от другого; качество – это степень достоинства, ценности, пригодности вещи, действия и т. п., соответствия тому, какими они должны быть» (словарь русского языка).

Системной проблемой является нравственная, морально-психологическая, профессиональная, педагогическая неподготовленность профессорско-преподавательского состава. Старшее поколение испытывает затруднения в знаниях информационных средств, а молодое – в основах гуманитарных знаний [11]. Этот факт подтверждают конкретные социологические исследования. О беспорядках в институте образования говорят все: от рядового участника образовательного процесса до высших представителей всех ветвей власти. Прогноз же тоже не очень оптимистичен. Дело в том, что в образование, как и в другие сферы общества, как показывают результаты анализа документов, на основные должности уже пришли кадры, которые получили «высшее образование», ученые степени и звания в 1990-х начале 2000-х годов. Журналисты, специализирующиеся на исследованиях проблем системы образования, свидетельствуют о том, что в «храме» российской науки такой «тренд» сохраняется. Исследование показало, что в некоторых городах России почти все трудоспособное население имеет по 2–3 «высших образования» (кластер – г. Ухта). А самые «пробивные» кадры в образовании становились докторами наук по несколькими специальностям. Это плохой показатель для

русского образования. В результате сегодня уже сотни тысяч «специалистов» работают «как могут на благо Отечества». Они пишут учебно-методические пособия, участвуют в сборке ракет, которые не взлетают даже тогда, когда весь кадровый потенциал напрягается присутствием авторитетной государственной комиссии. К сожалению, и это не помогает, так как мозг у таких специалистов не подготовлен к интеллектуальному напряжению. Очевидно, что в образовании есть все основные признаки системного кризиса.

Как показали результаты исследования образования в г. Москве, наблюдается депрофессионализация профессорско-преподавательского состава вузов (табл. 2). Как видно, основная часть опрошенных «экспертов» – доктора и кандидаты наук. Они затруднялись или неправильно отвечали на простейшие вопросы. Очевидно (или вероятно), присуждение ученых степеней этим «экспертам» было произведено «неблагоприятным путем».

Сегодня в некоторых государственных вузах в билетах на государственной итоговой аттестации во многих вопросах можно увидеть принципиальные теоретические, методологические, стилистические и орфографические ошибки. Вопросы так сформулированы, что на них даже подготовленный студент правильно не ответит. Не смогут этого сделать и сами «методисты»! Например, скопление людей (толпу) они называют вне социальной группой (учебник по социологии). Основной метод социологии управления – анкетный опрос (учебник по социологии управления). Анкетный опрос – это метод исследования, а не метод социологии управления. В билетах для российских студентов нет ни одного вопроса, в котором были бы заявлены российские знания (русские имена).

Подтверждает верность результатов экспертного опроса и исследование качества и доступности образования в городе Москве (рис. 2). Но их объяснение (интерпретация) позволяет сделать вывод: общий уровень подготовки студентов низкий, что не дает им возможность правильно оценивать подобные явления.

С меньшим оптимизмом эксперты оценивают профессионализм преподавательских кадров (рис. 3).

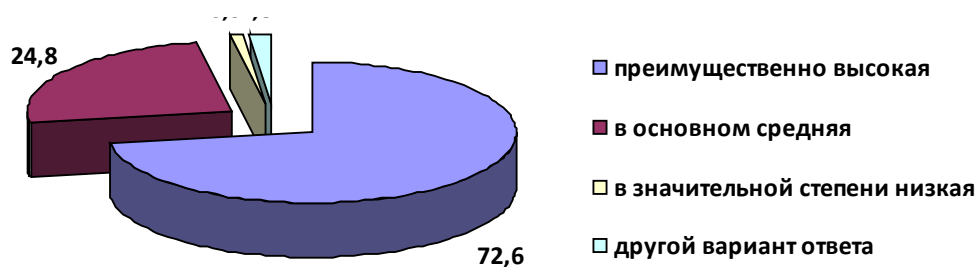

Рисунок 2 – Оценка студентами квалификации преподавателей вуза

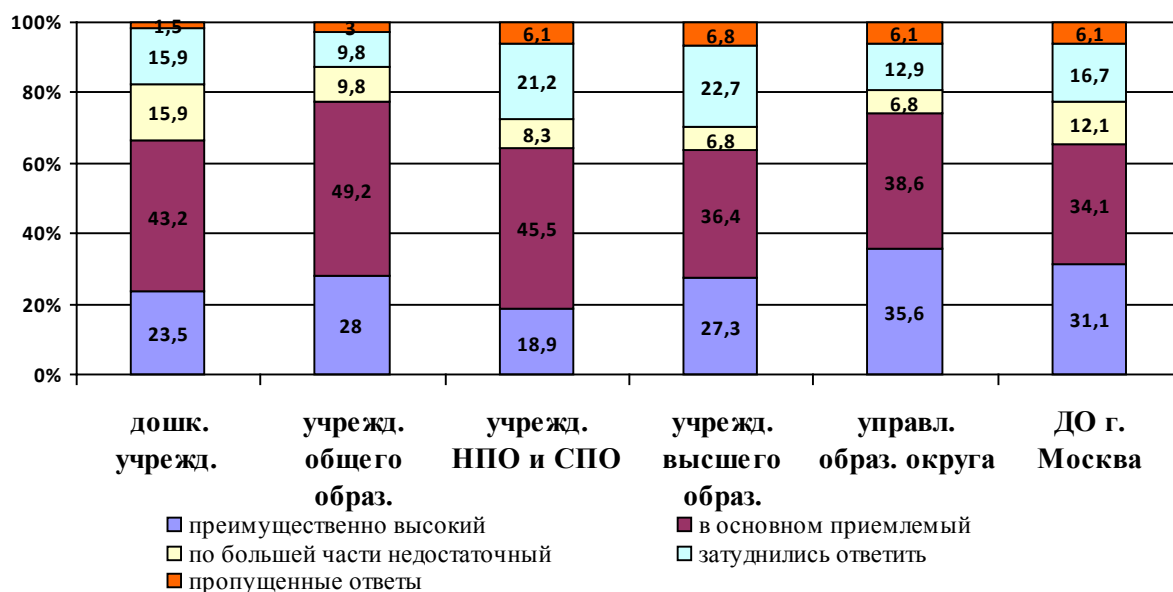

Рисунок 3 – Профессионализм кадров образовательных организаций г. Москва

Таблица 2 – Результаты экспертного опроса N=32 (доктора наук – 15; кандидаты наук – 17)

Вопрос	Ответ		
	Да	Нет	Нет ответа
Правильно ли утверждение, что показателями новизны научной работы являются: «актуальность проблемы и темы», «самостоятельность в постановке проблемы», «самостоятельность суждений», «наличие авторской позиции».	17	15	-
Верно ли утверждение: «управление начинается с планирования»?	21	11	-
Можно ли мониторинг считать выборочным, сплошным, плановым, целевым контролем?	18	11	3
Является ли курсовая работа квалификационной?	22	10	-
В полной ли мере справедливо утверждение, что «лекция – это вид самостоятельной деятельности студента».	15	15	-
Мировоззрение человека считается более сложным явлением, чем его убеждения?	17	15	-
Является ли правильным утверждение, что «логику изложения доклада» необходимо оценивать по показателям: убедительность рассуждений, оригинальность мышления, грамотная речь?	18	14	-
Можно ли «полностью исключить контроль любой деятельности»?	22	10	-

Как видно на рисунке в организациях высшего образования преподавателей с высоким уровнем подготовки лишь 27,3%. Безусловно, этот показатель сопряжен с качеством вузовских образовательных услуг (рис. 4).

Как видно, на удовлетворительно и неудовлетворительно оцениваются все показатели в интервале примерно от 15 до 39%. Есть основания полагать, что развитие электронного обучения позволит снизить эти числовые показатели и уменьшить интервал.

Другой конфликтоген – отсутствие стимулов в получении качественных профессиональных знаний. Причина этому – социально-экономический кризис. Нет рабочих мест – нет потребности в обучении. Даже в г. Москве более 40% людей с высшим профессиональным образованием являются безработными. В этих условиях люди стремятся получать высшее образование по традиции. Россия всегда славилась образованными людьми. Традиционно неуч в нашей стране считался ущербным. Возможно, этот факт является основным показателем перспективы электронного обучения в нашей стране. Объективное (не политизированное) исследование показало, что, например, в России крестьяне имели возможность обучаться уже в XVIII веке в «вольных» школах, а со второй половины XVIII века развивается их частное обучение. Уже

в 1908 году был принят закон о введении системы всеобщего бесплатного обучения. В связи с этим, ежегодно открывалось около 10000 школ. К началу Первой Мировой войны (1914 г.) в стране было 50000 земских школ с 80000 учителями и 3000000 учеников. В 1914 году в земствах было создано 12627 публичных библиотек. В 1918 году планировалось ввести обязательное бесплатное среднее образование. Во всех уездных городах были созданы гимназии, чего не было в самых передовых европейских странах. Университеты при Николае II имели такую свободу, какую они уже никогда не имели при советской власти (и до сих пор). По количеству женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях, Россия занимала первое место в Европе. Показателем высокого уровня образования в Царской России являлся тот факт, что «накануне войны в России было более 100 вузов со 150000 студентов (во Франции тогда же – около 40000 студентов)». Многие учебные заведения в то время создавались министерствами или ведомствами (военным, промышленно-торговым, духовным и т. п.). Обучение в высших учебных заведениях Царской России было доступным для очень широкого слоя населения. «На престижных юридических факультетах в России оно стоило в 20 раз меньше, чем в США или Англии, а неимущие студенты освобождались от оплаты и получа-

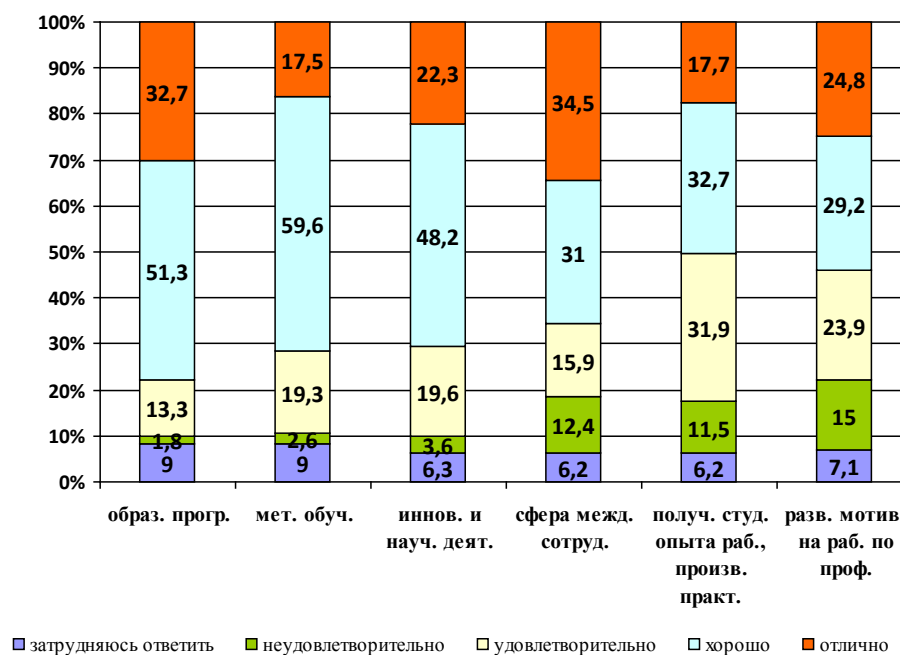

Рисунок 4 – Оценка студентами качества вузовских образовательных услуг

ли стипендии». Как показывает сравнительный анализ, те студенты, которые имели возможность оплачивать свое обучение, платили меньше, чем, например, студенты в Англии или в США. В Царской России оплата обучения составляла от 50 рублей до 150 рублей в год, т. е. от 25 до 75 американских долларов в год (царский рубль приравнивался к двум долларам). Другим доказательством доступности образования является тот факт, что к 1914 году доля студентов из низших слоев (разночинцев, рабочих, крестьян) в среднетехнических учебных заведениях составляла около 80%, в технических вузах – более 50%, в университетах – более 40% [4, с. 65]. Разумеется, такие отечественные традиции, значительно укрепленные в советское время, не могут быстро исчезнуть.

Современное образование – это часть рынка. Оно – не благотворительность. Это профессиональная деятельность большого числа людей, которая должна оплачиваться населением, если государство не способно обеспечить конституционные права на бесплатное образование. Исследование показало, что обучать детей в нашей стране становится все более проблематично. Например, в Алтайском крае средняя заработная плата 20 тыс. рублей, в Смоленской области – 12 тыс. рублей. Те или иные трудности в материальном обеспечении обучения своих детей, сегодня, вероятно, не испытывает только 5% населения, что отражено на рисунке 5.

Поэтому в стране каждый год для выпускников школ уменьшается возможность продолжить обучение. Результаты исследования показали, что в кластере не оказалось ни одного государственного вуза, в котором бы количество бюджетных мест было больше, чем коммерческих. Будут ли созданы бюджетные места в вузах для электронного обучения?

Между тем формы традиционного образования в «чистом виде» быстро становятся неприемлемыми для обучения населения, поэтому альтернативы использования средств электронного обучения нет. Но, как это всегда бывает, среди участников образовательного процесса обнаруживается два течения: консервативное и прогрессивно-эволюционное. Так, опрос экспертов выявил различные предпочтения форм обучения современной молодежи. Основными суждениями стали:

«В современных российских правовых условиях базовое образование молодому человеку необходимо получать не на рабочем месте, а в аудитории учебной организации. Электронное же обучение должно стать частью традиционных технологий обучения».

«В современных российских экономических условиях базовое образование молодому человеку необходимо получать на рабочем месте средствами электронного обучения, а затем обязательно совершенствовать на курсах повышения квалификации».

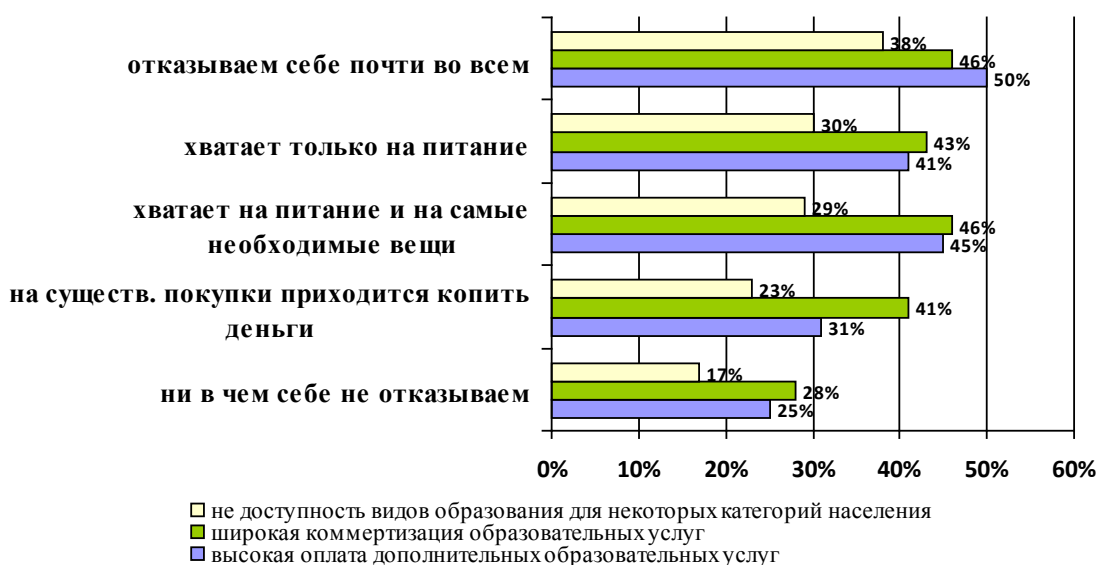

Рисунок 5 – Проблемы доступности образования для групп населения с различной самооценкой уровня благосостояния

Зарубежный опыт (Великобритания, США, Южная Корея) показывает, что там обучение с применением дистанционных технологий становится приоритетным. Например, в Южной Корее, которая сегодня по многим промышленным показателям уже догнала Японию, 85% работающего населения проходит ежегодную переподготовку в системе электронного обучения с применением дистанционных технологий.

Разумеется, качество электронного обучения в вузах во многом зависит от базовой подготовленности обучаемых. Следовательно, еще один конфликтоген – качество подготовленности выпускников общеобразовательных школ.

Исследование показало, что подготовку учителей в педагогических вузах в настоящее время осуществляют преподаватели, многие из которых должны проходить переподготовку (табл. 1). Это общеизвестный факт. Далеко не случайно во многих вузах прекращается работа диссертационных советов. Некоторые вузы в погоне за прибылью потоками готовят и направляют специалистов в систему довузовского образования. Известны многочисленные факты «формальной подготовки» учителей в педагогических вузах, когда студенты, не посещая занятия, получали дипломы специалистов. Ущерб от этой образовательной диверсии трудно подсчитать, но ясно одно его необходимо определять не сложением, а умножением.

Трудной для оперативного решения является такая проблема электронного обучения, как точность и достоверность оценки знаний, полученных обучаемыми. Аристотель не случайно в свое время организовал лицей, где применял в обучении «странствующую» методику. Беседуя во время прогулок в саду с учениками, он не только передавал им знания, но и своевременно, всесторонне, точно их оценивал. Современные электронные технологии позволяют студентам «странствовать» по городу, в лесу и одновременно вести «беседу» с преподавателем с помощью электронного прибора. Но у Аристотеля было несколько учеников, а сегодня требуется подготовить десятки тысяч высококвалифицированных специалистов для работы на «высокотехнологичных рабочих местах», которые неизбежно будут создаваться в России. Безусловно, уже созданы и будут совершенствоваться электронные средства контроля

и оценки знаний обучаемых. Но, во-первых, будут ли они способны как Аристотель оценивать (контролировать) прилежность обучаемого? Во-вторых, будут ли они способны противодействовать человеческому интеллекту в возможностях получить высокий балл за плохие знания. Здесь появляется смежная проблема, которая аналогична проблеме «броне – снаряд». Причем снаряд всегда дешевле, быстрее изготовить и применить. В таком случае технологии электронного обучения должны по уровню «интеллекта» ничем не уступать человеческому. Иначе у него мало шансов из «немотивированного материала» подготовить высококлассных специалистов. Ведь уже появились и будут множиться различные продавцы технологий получения отличных оценок за плохие знания, что четко прослеживается в интернете. К сожалению, этот факт всегда будет основанием для критики и давления на образовательные организации, применяющие электронные технологии в обучении.

Существует закон управления обществом: для удовлетворения актуализированной потребности обязательно (объективно) создаются специализированные структуры управления. Создаются не только административные структуры, призванные обеспечить выполнение законов государства, но и различные институты гражданского общества. Результаты исследования показали, что сегодня о фактах коррупции знают все участники образовательного процесса (принимали участие в коррупционной деятельности 28%; были свидетелями – 37%; отказались отвечать – 35%). Разумеется, электронное обучение – это поле чудес для людей с «рациональным» мышлением. Объективность этого явления обусловлена рыночными отношениями, один из показателей (прибыль) которых хорошо описал Карл Генрих Маркс: «Обеспечьте капиталу 10% прибыли, и капитал согласен на всякое применение, при 50% положительно готов сломать себе голову, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти, хотя бы под страхом виселицы».

Безусловно, это явление не способствует качеству образования.

Как показывает анализ явных и латентных показателей образовательной практики, уровень активности коррупционной деятельности

не снижается, поэтому электронное образование находится в условиях повышенного риска. Безусловно, основная причина угроз электронным технологиям находится в правовой сфере. Уместно ли в правовом поле говорить о свободе соблюдения закона? В западных странах, например, за плагиат студента могут исключить из университета, а преподавателя уволить. Изучение отечественной судебной практики не выявило фактов привлечения к административной или уголовной ответственности за подобные противоправные деяния. В таких условиях необходимого качества электронного обучения достичь будет очень трудно, потому, что разрушать всегда легче и проще, чем созидать.

Не менее сложным конфликтогеном качества электронного обучения сегодня являются поиск, получение и распространение истинных знаний. Интернет, электронные учебные продукты переполнены недостоверной, лженаучной информацией. Сегодня, стоит только человеку приступить к поиску знаний, ему тотчас будет предложен (навязан) вал различной информации. Разумеется, качественные, новые, лучшие знания никто никому бесплатно не передаст. А найти самому, проанализировать, выбрать достоверную – физически, интеллектуально и самостоятельно, затруднительно. Собственно, на это и делается расчет оппонентами, ведущими информационную войну, которая, как известно, является составной частью новой формы противоборства – гибридной войны. Другими словами, организуя, развивая электронное обучение населения, но не заботясь о воспитательной его составляющей, мы собственными руками создаем себе условия для поражения.

В этой связи, проблемой становится уже первый этап организации управления электронным обучением – изучение общественной обстановки (условий), в которой оно будет применяться, прогнозирование его положительной (отрицательной) результативности в обеспечении образовательной и иной безопасности

страны. Разумеется, это понимают все участники организации электронного обучения, но, как показал анализ документов, его социальная база и результативность целенаправленно не изучаются. Возможных основных причин здесь две: сложность проведения подобных исследований и боязнь получения отрицательных результатов. Известно, что попытки изучить качество электронного обучения как самостоятельной формы (вне традиционной классно-урочной) завершаются результатами, о которых не принято говорить. Следовательно, можно утверждать, что позитивная результативность электронного обучения находится в прямой зависимости от трех показателей: качества подготовки профессорско-преподавательского состава, достоверности и доступности знаний (если информация передается через 3 и более корпункта, то она становится недостоверной в 9 случаях из 10), мотивации участников образовательного процесса.

Таким образом, основными конфликтогенами, влияющими на снижение качества электронного обучения являются:

- низкий уровень общей подготовленности профессорско-преподавательского состава;
- сложность социологических технологий анализа информации;
- повышение уровня требований органов управления к специалистам, работающим с информацией;
- системные ошибки в электронном обучении, обусловленные несовершенством нормативной правовой базы;
- низкий уровень подготовки абитуриентов;
- низкий уровень мотивации студентов на обучение из-за невостребованности выпускников на рынке труда;
- дороговизна образовательных услуг и ограниченное количество материальных ресурсов у населения.

19.04.2017

Список литературы:

1. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения в 14 т. / Г.В.Ф. Гегель. – Т. 10. – М.: Гос. изд-во. – 1932. – 305 с.
2. Гостев, А.Н. Общественный контроль производственных компаний: система протестных форм / А.Н. Гостев, С.С. Демидова, Т.С. Демченко // Системная психология и социология. – 2015. – №4 (16). – С. 81–86.
3. Гостев, А.Н. Проблемы комплектования негосударственных вузов: социально-управленческий аспект / А.Н. Гостев, Т.С. Демченко, Д.Н. Певчев // Социология образования. – 2014. – №01. – С. 42–55.
4. Гостев, А.Н. Управление высшим образованием: Российские традиции: монография / А.Н. Гостев, В.П. Серикова. – М.: СГА. – 2016. – 177 с.

5. Демченко, Т.С. Геймификация в системе высшего образования: актуальность исследования: кафедральный студенческий сборник «Новое поколение» (выпуск №9) / Т.С. Демченко и др.; под ред. Кириллова А.В. – М.: Издательство «Перспектива». – 2016. – С. 55–60.
6. Демченко, Т.С. Доктрина социального контроля высшего образования в России / Т.С. Демченко // Социология образования. – 2012. – №6. – С. 76–84.
7. Демченко, Т.С. Система высшего образования: проблемы социального контроля // Материалы Афанасьевских чтений. – 2016. – №2 (15). – С. 178–184.
8. Иванова, О.А. Социальное здоровье студентов вузов московского мегаполиса / О.А. Иванова // X Международная научная конференция «Сорокинские чтения» «Здоровье российского общества в XXI веке: социологические, психологические и медицинские аспекты»: сборник материалов. – М.: Изд. Московского университета. – 2016. – С. 795–797.
9. Иванова, О.А. Сущность и содержание образовательных конфликтов в высших учебных заведениях: социально-управленческий аспект / О.А. Иванова // Научный журнал «Рухis». – Санкт-Петербург: ООО «Международный образовательный центр». – 2016. – №4 (3). – С. 75–81.
10. Касюк, А.Я. Качество столичного образования в оценках основных субъектов образовательного процесса: монография / А.Я. Касюк, Т.С. Демченко, А.Н. Гостев и др. – М.: РУСАЙНС. – 2016. – 294 с.
11. Кобзева, Н.И. Возрастной и социально-психологический портрет современного студента образовательного процесса вуза / Н.И. Кобзева // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. – 2011. – №4(08).
12. Кобзева, Н.И. Информационные технологии как средство активизации визуальных представлений старшеклассника о природе / Н.И. Кобзева, О.Н. Казакова, М.А. Кобзева // «Университетский комплекс как региональный центр образования, науки и культуры»: материалы Всероссийской научно-методической конференции; Оренб. гос. ун-т. – Оренбург: ОГУ. – 2016. – С. 2810–2814.
13. Кобзева, Н.И. Методологическая основа становления целостного и ценностного мировоззрения студентов университета / Н.И. Кобзева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – №7 (168). – С. 172–177.
14. Ручкина, Г.Ф. Образовательный процесс в магистратуре по направлению подготовки «юриспруденция»: правовые, организационные, методические аспекты: монография / Г.Ф. Ручкина, Е.В. Терехова, М.В. Демченко, Т.С. Демченко и др. – М.: ВГНА Минфина России. – 2012. – 314 с.
15. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 03.07.2016, с изм. от 19.12.2016) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // «Российская газета», N 303, 31.12.2012.

Сведения об авторах:

Гостев Александр Николаевич, заведующий кафедрой социологии
Современной гуманитарной академии, доктор социологических наук, профессор
109029, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32, e-mail: gostevan@inbox.ru

Кобзева Наталья Ивановна, доцент кафедры философии и культурологии
Оренбургского государственного университета, кандидат педагогических наук
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13, e-mail: natascha.7419@mail.ru

Иванова Оксана Александровна, соискатель Современной гуманитарной академии
109029, г. Москва, ул. Нижегородская, д. 32, e-mail: oksanai1975@mail.ru